

Проблемы истории русского консерватизма в научном наследии В. О. Ключевского и П. Н. Милюкова

Руднев М. А.

Руднев М. А. Проблемы истории российского консерватизму у науковій спадщині В. О. Ключевського та П. М. Мілюкова. На матеріалі головних узагальнюючих та історіографічних праць В. О. Ключевського та П. М. Мілюкова розглядається представлена у них трактовка основних проблем і феноменів історії раннього російського консерватизму (друга половина XVIII – перша чверть XIX ст.)

Ключові слова: російський консерватизм, історіографія, трактовка, В. О. Ключевський, П. М. Мілюков.

Руднев М. А. Проблемы истории русского консерватизма в научном наследии В. О. Ключевского и П. Н. Милюкова. На материале главных обобщающих и историографических работ В. О. Ключевского и П. Н. Милюкова рассматривается представленная в них трактовка основных проблем и феноменов истории раннего русского консерватизма (вторая половина XVIII – первая четверть XIX в.)

Ключевые слова: русский консерватизм, историография, трактовка, В. О. Ключевский, П. Н. Милюков.

Rudnev M. A. The Problems of the Russian Conservatism History in the V. O. Kliuchevsky's and P. N. Miliukov's Scientific Heritage. On the materials of the main historical generalizing and the historiographical works of V. O. Klyuchevsky and P. N. Milyukov their treatments of the key problems and phenomena of the early history of the Russian conservatism from the XVIII century up to the first quarter of the XIX century are considered.

Keywords: Russian conservatism, historiography, treatment, V. O. Klyuchevsky, P. N. Milyukov.

Всесторонний и результативный историко-научный анализ историографии русского консерватизма в период ее генезиса и «первоначального оформления» невозможен в отрыве от более широкого контекста становления истории общественной мысли как относительно самостоятельной отрасли исторического знания. Применительно к России речь идет о процессе, начальный этап которого приходится на 1850-е – 1870-е гг. Отдельным, в © Руднев М. А.

хронологическом отношении несколько запоздалым фрагментом дооктябрьской историографии русского консерватизма можно считать освещение и трактовку некоторых основных аспектов его раннего исторического бытия на страницах синтетических реконструкций и обзоров истории России, принадлежащих перу виднейших отечественных историков конца XIX – начала XX вв., ключевое место среди которых принадлежит «Курсу русской истории» В. О. Ключевского, а также – в научных трудах по истории русской культуры и общественно-политической мысли как ее специфической составляющей, чей хронологический ряд открывают трехтомные «Очерки по истории русской культуры» его университетского ученика П. Н. Милюкова.

В первом случае речь идет о заключительной V части «Курса...», оставшейся незавершенной (на момент своей кончины в мае 1911 г. автор успел подготовить к печати примерно треть ее текста). Впервые она была издана в 1921 г. его учеником Я. Л. Барсковым на основе литографии лекций В. О. Ключевского, записанных им еще в 1883–1884 гг.

Следует отметить тот примечательный и, по всей видимости, закономерный факт, что главным, а в ряде случаев – единственным предметом исследовательского интереса профессиональных ученых-гуманитариев, впервые обращавшихся к истории русского консерватизма второй половины XVIII в. (не исключая В. О. Ключевского и П. Н. Милюкова), стала социально-политическая программа Екатерины II, озвученная ею в «Большом Наказе» Уложенной комиссии 1767–1768 гг. При этом в исторической науке последних десятилетий XIX в. проблема идентификации упомянутой «программы» по линии водораздела «консерватизм-либерализм» еще не ставилась напрямую. Тем не менее, вопрос о характере идейного наследия Екатерины II (воплощенного для первых его исследователей почти исключительно в «Большом Наказе») и политики «просвещенного абсолютизма» в целом уже обретал дискуссионные очертания, чем закладывалась основа для последующей историографической традиции.

Что касается В. О. Ключевского, то он, избегая каких-либо прямых идентификационных оценок «политических идей» императрицы (наподобие «либерализма», «консерватизма», «охранительства»), недвусмысленно высказывал столь характерное для него скептическое отношение к фактически общераспространенной в дореволюционной либеральной (как и в современной российской) историографии версии об очевидной и даже радикальной прогрессивности ее реформаторской программы применительно к историческим реалиям послепетровской России и об искреннем усвоении ею философско-идеологических постулатов умеренного крыла французского просветительства (прежде всего, Ш. Л. Монтескье), реализовать которые на практике помешали

лишь «внешние», объективные факторы. Со своей стороны знаменитый историк характеризует Екатерину II как сугубого прагматика, правительницу, «свободную от политических убеждений», которая «хотела вести чисто личную политику, не прикрываемую... хотя бы только совещательным, но законно оформленным и ответственным учреждением» [очевидно, речь идет о постоянно действующем, выборном сословно-представительном органе – М.Р.], оберегая унаследованный ею режим абсолютной монархической власти от «всяких попыток дать закономерный строй верховному управлению» [6, с. 75, 65-66].

В самом факте созыва Уложенной Комиссии и написания «Большого Наказа» автор «Курса русской истории» усматривал стремление «покрыть этот туземный факт» своей «не только неограниченной, но и неопределенной, лишенной всякого юридического облика» власти заимствованными у французских просветителей «идеями века», которые прошли «в ее уме» предварительную обработку, «не выпуская, однако из рук ни одной нити самодержавия» [6, с. 66, 75]. При этом знаменитый историк не отрицает того очевидного обстоятельства, что, согласно так и не доведенному до своего логического завершения и, в конечном счете, отброшенному самой Екатериной «конституционному проекту» (феномен Уложенной комиссии 1767–68 гг.), «самодержавная власть... получала новый облик», афористически, на грани парадокса, определяемый им как нечто «вроде конституционного абсолютизма» [6, с. 75].

Следующей страницей научного творчества В. О. Ключевского, имеющей непосредственное отношение к историографии русского консерватизма, можно считать характеристику идейного наследия М. М. Щербатова (в том числе, его деятельности в качестве депутата Уложенной комиссии). «Щербатовский сюжет» присутствует не только в V части «Курса русской истории», но и, в значительно большей мере, в его главной историографической работе, «Лекциях по русской историографии» (сохранились в студенческой записи 1892 г. с последующей авторской правкой и были впервые опубликованы лишь в советское время, в VIII томе «Сочинений» (1959 г.).

Характеризуя депутатскую деятельность своего далекого предшественника на поприще изучения русской истории, В. О. Ключевский наибольшее внимание уделял борьбе М. М. Щербатова и его единомышленников за отмену и пересмотр законодательных положений петровской «Табели о рангах», которые устанавливали возможность получения дворянства путем выслуги (т.е. достижения определенного офицерского или гражданского чина), а также против притязаний купечества на владение крепостными крестьянами (на «право населенного землевладения»). В последнем случае, по словам В. О. Ключевского, «надобно было изобресть высшие государственные соображения для оправдания его исключительной

принадлежности дворянству, т.е. надобно было выступление князя Щербатова: это была его роль в Комиссии» [6, с. 89].

Автор «Курса русской истории» обращал внимание слушателей на тот примечательный факт (который не пользовался особой популярностью в последующей, особенно в советской историографии), что М. М. Щербатов, активно выступавший за сохранение и даже укрепление крепостного права, был, тем не менее, решительным противником продажи крестьян «без земли в розницу». При этом, по версии В. О. Ключевского, «князь не полагался на дворянскую стыдливость, зная, как охотно дворяне торгуют крепостными в розницу, и ...высказал твердую уверенность, что Комиссия законом запретит продажу людей поодиночке без земли – постыдное дело...» [6, с. 90]. «Так речь, направленная против купеческого притязания, невольно повернулась у оратора против своей же дворянской братии», - отмечает автор «Курса русской истории» [6, с. 90].

Что касается исторических работ князя Михаила, то наибольшее внимание Ключевского-историографа (разумеется, наряду с главным щербатовским трудом, «Историей Российской от древнейших времен») привлекает широко известный памфлет «О повреждении нравов в России». В «записке» М. М. Щербатова В. О. Ключевский обнаруживает явное присутствие ретроспективной социально-политической утопии: «Для того чтобы это повреждение выступило ярче, для контраста Щербатов... рисует идиллическую картину древнерусской жизни, выставляя на первый план почет, которым пользовались тогда роды (т.е. аристократия)» [7, с. 219]. По его словам, в своих заключительных «соображениях о том, как можно исправить зло... Щербатов рисует идеал русского государя, который будет награждать добродетель без всякого пристрастия, будет уметь разделять власть: что принадлежит учрежденным правительствам и что на себя принять» [7, с. 219]. «Основную мысль» (или «тенденцию») щербатовского сочинения, В. О. Ключевский формулирует следующим образом: «Он сын людей 1730 г.; он воспитан в традициях кружка верховников; он мечтает о том времени, когда Россия опять устроится в боярскую аристократическую монархию» [7, с. 219].

Следует заметить, что сегодня подобная трактовка идеологической программы М. М. Щербатова – как чисто ретроспективной, аналогичной проекту «верховников» 1730 г. – выглядит крайне упрощенной и, по большому счету, устарелой. В данном случае не замеченной В. О. Ключевским осталась важнейшая «просвещенческая» парадигма мировоззрения основоположника русского дворянского консерватизма, обусловленная сильнейшим влиянием на него французской просветительской («вольтерьянской») философии. Как известно, самым зримым и радикальным результатом этого влияния стал щербатовский воинствующий антиклерикализм, отчетливо

проявившийся в «Истории российской от древнейших времен», и особенно – масонская еретическая химера «естественной религии», обнародованная им в утопическом романе «Путешествие в землю Офирскую...» и обнаруживающая пугающее сходство с робеспьеровским культом «Верховного существа», который был на короткое время введен в революционной Франции в период якобинского террора (кстати, всего лишь через несколько лет после смерти М. М. Щербатова).

К научно-историческому творчеству и, соответственно, к идейному наследию Н. М. Карамзина В. О. Ключевский обращался в двух «малоформатных» незаконченных историографических текстах, опубликованных лишь спустя много лет после смерти автора, в 1970-х – 1980-х гг.: в «Обзоре историографии с царствования Иоанна Грозного...» (1891, 1895 гг.) и в цикле отрывков с общим названием «Н. М. Карамзин», написанных, согласно условной датировке публикаторов, не ранее 4 марта 1898 г.

В первой из указанных работ знаменитый историк напоминает о том, что «Карамзин был едва ли не первый русский писатель, почувствовавший, что движение, начатое французской революцией, кончится полным крушением идей, которыми оно было подготовлено, проповедью которых, по крайней мере, оно началось», – причем, на заре своей творческой деятельности сам бывший «приверженцем этих идей» [8, с. 156-157]. В общеевропейском духовно-интеллектуальном контексте Н. М. Карамзин, согласно заключению его «младшего коллеги», предстает как «один из тех многочисленных в тогдашней Европе мыслителей, которые, пережив политическое крушение своих любимых идей [просветительских – М. Р.], т.е. идей XVIII века, теряли веру в их внутреннюю логическую доброкачественность и из философов-либералов превращались в консервативных противников реформ, недостаточно подготовленных историей» [8, с. 157].

В следующей, собственно «карамзиноведческой» работе (упомянутый цикл трех одноименных отрывков) В. О. Ключевский дает краткую афористическую характеристику идейной эволюции «последнего летописца», тезисность и несколько вызывающий лаконизм которой обусловлены, очевидно, подготовительным (конспективным) характером этого незавершенного текста: «Оптимизм, космополитизм, европеизм, абсолютизм [?! – М. Р.], республиканизм... – оставлены. Остался сентиментальным моралистом XVIII в. и приверженцем просвещения как лучшего пути к доброй нравственности, которая – основание государственного развития и благоустройства... Наблюдения и принесенные ими разочарования превратили его из либералиста в консерватора-патриота» [5, с. 276].

Основополагающая идеология, отстаиваемая Н. М. Карамзиным «в спорах о лучшем образе правления для России» [очевидно, во время

работы над «Запиской о древней и новой России» – М. Р.] в крайне упрощенном тезисном изложении В. О. Ключевского звучит следующим образом: «...Россия прежде всего должна быть великою, сильною и грозною в Европе, и только самодержавие может сделать ее таковою» [5, с. 277]. Это «убеждение, вынесенное из наблюдения над пространством, составом населения, степенью его развития, международным положением России», Н. М. Карамзин, используя «метод опрокинутого [в прошлое? – М. Р.] исторического силлогизма», «превратил в закон основной исторической жизни России», который, в передаче его «младшего коллеги», гласит, что, поскольку «самодержавие – коренное начало русского государственного порядка», то, «следовательно, его развитие – основной факт русской исторической жизни, самая сильная тенденция всех ее условий» [5, с. 277].

Как уже было сказано, первым обобщающим исследованием по истории русской общественно-политической мысли можно по праву считать трехтомные «Очерки по истории русской культуры» историка «школы Ключевского» и будущего лидера кадетской партии П. Н. Милокова, а точнее – их третий том под названием «Национализм и европеизм», впервые опубликованный в 1899–1902 гг. в журнале «Мир Божий». К большому сожалению для историографа русского консерватизма и общественной мысли в целом изложение материала в нем доведено лишь до конца XVIII в., т.е. до екатерининской эпохи включительно.

Переходя к анализу непосредственно интересующих нас сюжетов главного исторического труда П. Н. Милокова, следует напомнить о том, что первый элемент названия его III тома («Национализм и европеизм») в ранних (дооктябрьских) публикациях интерпретировался автором как «официальная доктрина, противоположная всякой «общественности» [кавычки П. Н. Милокова – М. Р.] [10, с. 3]. Однако в обновленном парижском издании 1930 г. он счел более предпочтительной лапидарную характеристику «национализма» как «хранителя традиционных воззрений» - гораздо более широкую в содержательном отношении и не предполагающую его обязательный «официальный» статус [10, с. 3].

П. Н. Милоков, как и его университетский учитель В. О. Ключевский, избегает какой-либо точной «направленческой» идентификации социально-политической программы Екатерины II, однако максимально акцентирует внимание на ее авторитарном характере, который исключал сколько-нибудь реальное «соучастие» образованного общества и, тем более, народных масс в претворении ее в жизнь. «Реформаторская роль Екатерины представлялась ей по существу своему совершенно личной» [10, с. 261].

При этом будущий лидер кадетской партии решительно отводит обвинение в адрес императрицы в позднейшей «измене» [кавычки

П. Н. Милокова – М. Р.] ...либеральным взглядам ее молодости», выразившейся в дальнейшей откровенно продворянской политике и особенно – в жестком охранительном курсе последних лет ее правления (1789–1796 гг.), указывая на то любопытное обстоятельство, что умеренно-просветительские взгляды из идейно-философского арсенала Монтескье и Вольтера «были впервые усвоены ею в ...смягченной, ни к чему не обязывающей форме» [10, с. 255]. Исходя из подобной трактовки екатерининского «вольтерьянства» будущий лидер кадетской партии, вслед за своим учителем В. О. Ключевский приходит к заключению, что в основе внутренней политики императрицы (во всех ее очевидных и кажущихся поворотах) лежала «идеология» политического прагматизма («полная свобода от какой бы то ни было доктрины... – а вовсе не подчинение какой-нибудь передовой доктрине») [10, с. 341].

Первый и самый существенный с идеологической точки зрения поворот социально-политического курса императрицы – «вольтерьянки» П. Н. Милоков связывает с драматическими событиями пугачевского бунта 1773–1775 гг., когда она, в первую очередь, из прагматических соображений, «поспешила – еще во время самой борьбы [с пугачевцами – М. Р.] и в интересах ее успеха – признать свое дело солидарным с делом дворянства», распростившись, таким образом, с «просвещенческо-абсолютистским» идеалом всесословной политики [10, с. 319]. При этом автор «Очерков по истории русской культуры» отмечает более «долгосрочную» и, соответственно, более глубокую идейную мотивацию перехода Екатерины к откровенно продворянской политике, усматривая в этом результат воздействия на нее консолидированной позиции представителей «благородного сословия» в Уложенной комиссии («всего того, что было сказано и сделано депутатами ее Комиссии от собственного имени дворянства» и было хорошо известно ей «из наказов и речей, из прений и баллотировок...») [10, с. 320].

Согласно аксиоматичному заключению М. Г. Вандалковской, автора книги «П. Н. Милоков, А. А. Кизеветтер: История и политика» (М., 1992), П. Н. Милоков, в полном согласии со своими предшественниками на научно-историческом поприще (В. А. Бильбасов, И. И. Дитятин и др.), делит екатерининское правление на два этапа, первый из которых «связан с увлечением просветительскими идеями западноевропейских мыслителей и разумно-критической настроенностью по отношению к официальной власти (Наказ 1767 г., Уложенная комиссия); второй – с сознательной и откровенно выраженной защитой сословных привилегий дворянства, продолжавшейся до конца ее жизни» [1, с. 228].

Трактовка автором «Очерков по истории культуры» идейного наследия М. М. Щербатова в целом опирается на его умозрительную

концепцию о якобы последовательном намерении Екатерины II создать «цельную националистическую теорию», которая бы имела официальный статус. При этом, по версии П. Н. Милюкова, «отвлекаемая другими делами и мыслями – в том числе либеральными [! – М. Р.], – Екатерина не занялась систематизацией своих националистических взглядов...», однако «несколько раз пробовала поставить эту задачу другим лицам, которых поочередно приближала к себе» [10, с. 427]. К сменявшим друг друга доверенным лицам, которым она якобы намеревалась поручить роль официального идеолога, автор «Очерков по истории русской культуры» причисляет М. М. Щербатова, Н. И. Новикова (?!) и И. Н. Болтина [10, с. 427].

В противоположность исходящей от В. О. Ключевского удручающе односторонней и статичной характеристике щербатовского мировоззрения автор «Очерков по истории русской культуры» максимально акцентирует его эволюционирующий характер как результат идейной трансформации, пережитой основоположником дворянского консерватизма: «Взгляды Щербатова эволюционировали и надо различать Щербатова в годы приближения к Екатерине от того же кн. Щербатова годов взаимного недовольства и раздражения» [10, с. 427]. При этом «Щербатов в оппозиции», по версии автора «Очерков по истории русской культуры», оставаясь, «правда, деистом в теории ...на практике все больше подчеркивает свою приверженность к традиционной вере в противоположность безверию и вольтеррианству Екатерины» и «обнаруживает все более резкие симпатии к аристократической идее в противоположность даже тем льготам, которые Екатерина дала дворянству и которые кажутся ему недостаточными, а подчас и оскорбительными» [10, с. 427]. П. Н. Милюков афористически резюмирует общее направление идейной эволюции основоположника русского дворянского консерватизма: «Щербатов первых годов был полон веры в предстоящее «смягчение нравов» путем рационального законодательства. Щербатов последнего времени говорит уже только о «повреждении нравов» и ядовито констатирует полное фиаско просвещенного абсолютизма» [10, с. 428].

В отличие от В. О. Ключевского, который, как уже было сказано, изображал М. М. Щербатова всего лишь как «старого, доморощенного ультраконсерватора» и «сына людей 1730 г.» (т.е. «верховников»), автор «Очерков по истории русской культуры» интерпретирует указанную трансформацию его политического идеала прежде всего как результат «внешних» (западноевропейских) интеллектуально-идеологических влияний: «Его идеалом была вначале сословно-конституционная монархия Монтескье. Позднее он переносит свои симпатии отчасти на старый шведский порядок, в котором дворянский

элемент был еще сильнее, аристократичнее и сплоченнее, а монархический слабее, чем в старой Франции» [10, с. 428].

Однако наибольшее внимание автора «Очерков по истории русской культуры» привлекает «целая историческая система», якобы «построенная» М. М. Щербатовым в трактате о «О повреждении нравов в России». П. Н. Милюков отмечает, что ее «описательная сторона... верна и поучительна», но «его объяснения [причин «повреждения нравов» – М. Р.] – почти исключительно моралистические – поверхностны и мелки» [10, с. 428].

Исходя из сказанного автор «Очерков по истории русской культуры» констатирует тот очевидный для него факт, что для выполнения гипотетического «заказа» Екатерины II на создание официальной идеологии «одних симпатий к старине и к мнимой цельности тогдашних [допетровских – М. Р.] нравов оказалось недостаточно» и поэтому, в случае с М. М. Щербатовым, «националистическая теория осталась непостроенной» [10, с. 428]. Более того, по версии П. Н. Милюкова, «раньше, чем все это могло выясниться окончательно [? – М. Р.] Екатерине стало ясно, что Щербатов для нее, при всех своих консервативных тенденциях, слишком либерален» и, «вероятнее всего... это и было главной причиной ее охлаждения» к своему государственному историографу (очевидно, неслучайно занимавшему эту должность лишь очень короткое время) [10, с. 429].

В завершение нашего проблемно-историографического обзора следует отметить то очевидное обстоятельство, что работы В. О. Ключевского и П. Н. Милюкова, непосредственно посвященные социально-политической «программе» Екатерины II, основоположникам и виднейшим представителям русского дворянского консерватизма (М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин) и содержащие оригинальную оценочную трактовку их идейного наследия, – несмотря на свой относительно скромный «удельный вес» в общем контексте научного творчества двух выдающихся историков – оказали значительное (а в некоторых случаях, определяющее) влияние на последующую историографию русской общественно-политической мысли. Причем в данном случае речь идет не только об отечественной исторической науке (в первую очередь, о ее либерально-кадетском (в том числе эмигрантском) и леворадикальном «сегментах»), но и о зарубежной (например, в лице безызвестного американского историка-русиста и советолога Р. Пайпса, чья общая концепция истории России и ее общественного сознания сформировалась под сильным воздействием милюковских «Очерков по истории русской культуры»). Именно поэтому соответствующие страницы творческого наследия В. О. Ключевского и П. Н. Милюкова должны стать одним из «краеугольных камней» будущего обобщающего монографического

исследования историографии отечественного допартийного консерватизма и официальной идеологии российского самодержавия (в данном случае, послепетровского абсолютизма), необходимость, в создании которой давно назрела.

Примечания

1. Вандалковская М. Г. П. Н. Миллюков, А. А. Кизеветтер: История и политика / М. Г. Вандалковская. – М., 1992.
2. Гросул В. Я. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / В. Я. Гросул, Б. С. Итенберг, В. А. Твардовская. – М., 2000.
3. Киреева Р. А. Ключевский как историк русской исторической науки / Р. А. Киреева. – М., 1966.
4. Ключевский В. О. Императрица Екатерина II (1729–1796) // В. О. Ключевский. Сочинения: в 9 т. – М., 1989. – Т. 5.
5. Ключевский В. О. Н. М. Карамзин // В. О. Ключевский. Сочинения: в 9 т. – М., 1989. – Т. 7.
6. Ключевский В. О. Курс русской истории // В. О. Ключевский. Сочинения: в 9 т. – М., 1989. – Т. 5.
7. Ключевский В. О. Лекции по русской историографии // В. О. Ключевский. Сочинения: в 9 т. – М., 1989. – Т. 7.
8. Ключевский В. О. Обзор историографии с царствования Иоанна Грозного. Историография Смутного времени // В. О. Ключевский. Сочинения: в 9 т. – М., 1989. – Т. 7.
9. Миллюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. / П. Н. Миллюков. – М., 1993. – Т. 1.
10. Миллюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. / П. Н. Миллюков. – М., 1995. – Т. 3.
11. Минаков А. Ю. Русский консерватизм в современной российской историографии: новые подходы и тенденции изучения / А. Ю. Минаков // Отечественная история. – 2005. – № 6.
12. Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества / М. В. Нечкина. – М., 1974.